

УДК 737:902(5-191.2)

ББК 63.211+63.48(54)

**Некоторые аспекты интерпретации монетных индикаций
(брактеатов) из погребальных комплексов тюрок
Центральной Азии***

Н.Н. Серегин¹, В.В. Тишин²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Институт востоковедения РАН (Москва, Россия)

**Some Aspects of Interpretation of the Coin Indications from
the Turkic Burial Complexes in Inner Asia**

N.N. Seregin¹, V.V. Tishin²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Представлен опыт изучения монетных индикаций из погребальных комплексов тюрок Центральной Азии, которые демонстрируют специфику контактов кочевников с Согдом. Объем имеющихся материалов о такого рода связях серьезным образом ограничен, несмотря на значительное количество информации о них в письменных источниках. Дан обзор результатов раскопок тюркских мемориальных комплексов с согдийскими надписями, а также рассмотрены материалы некрополей, содержащих некоторые подтверждения контактов кочевников в «западном» направлении. Основное внимание обращено на анализ нескольких «элитных» тюркских погребальных памятников Увгунт, Майхан Уул и Туэкта, раскопанных на территории Монголии и Алтая. Особенностью этих объектов является присутствие в составе сопроводительного инвентаря монетных индикаций (брактеатов), происхождение которых, судя по имеющимся сведениям, связано с территорией Согда. Дополнительную информацию для интерпретации подобных находок предоставляют результаты изучения рунических надписей на индикациях, подробно изложенные в статье. Анализ зафиксированных особенностей археологических комплексов не позволяет сделать каких-либо выводов о конкретном функциональном назначении рассмотренных монетных индикаций. При этом нет сомнений, что золотые брактеаты являлись важными показателями социального статуса в обществе тюрок Центральной Азии. Содержание рунических надписей на брактеатах в туэктинском

The article considers the analysis of coin indications from the Turkic burial complexes of Inner Asia which demonstrates the contacts of nomadic tribes with Sogd.

The volume of the available materials about these connections is very insignificant, despite of considerable amount of information on the similar relations in written sources. The authors present the review of results of excavation of Turkic memorial complexes with the Sogdian inscriptions, and also materials of the funeral sites containing some confirmations of contacts of nomads in the “western” direction. The main attention is paid to the analysis of several “elite” Turkic funeral complexes of Uvgunt, Maykhan Uul and Tuekta which are dug out in the territory of Mongolia and Altai. Feature of these objects is presence at structure of accompanying stock of monetary indications (brakteat) which origin, judging by the available data, can be connected with the Sogd territory. Additional information for interpretation of these finds could be obtained during the studying of runic inscriptions on indications which are presented in article in detail. The analysis of the recorded features of archaeological complexes does not allow drawing any conclusions on a concrete functional purpose of the considered monetary indications.

At the same time there are no doubts that gold brakteats were important indicators of the social status in the Turkic society in Inner Asia. The maintenance of runic inscriptions on the brakteats in Tuekta and Uvgunt burial grounds that are presented in single copies, according to the offered

*Работа подготовлена при поддержке гранта Правительства РФ (постановление N220), полученного Алтайским государственным университетом, договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», а также в рамках выполнения государственного задания Алтайского государственного университета, проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии».

и увгунтском погребениях, что характерно, присутствующих здесь в единичных экземплярах, согласно предложенному чтению позволяет предполагать наличие у обнаруженных индикаций функций, не связанных с торговой сферой, и рассматривать их как предметы, отражающие какие-то взаимоотношения в среде тюркской элиты.

Ключевые слова: тюрки, Центральная Азия, монетные индикации, Согд, раннее Средневековье, элита.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-43

Взаимные контакты тюрков Центральной Азии с оседло-земледельческими центрами цивилизации традиционно привлекают внимание исследователей. Основным направлением таких торговых и политических связей кочевников обособленно считаются отношения с Китаем, определившие многие стороны материальной и духовной культуры кочевников. Особенности контактов тюрков с Поднебесной империей представлены в значительном количестве публикаций, подготовленных по результатам анализа как письменных источников (см.: [1–5] и многие другие), так и археологических данных [6–8] и др. Гораздо меньше информации о «западном» направлении связей кочевников Центральной Азии в период раннего Средневековья. При этом контакты тюрков с Согдом демонстрируют совершенно другой вариант отношений кочевников с оседло-земледельческими народами. В данном случае последние непосредственно инкорпорировались в кочевую среду, в результате чего формировался своеобразный культурный симбиоз. Разноплановые сведения о таком взаимодействии представлены в письменных источниках (из последних работ см.: [9–12] и др.). Археологические же материалы, демонстрирующие контакты тюрков с согдийцами, менее представительны и требуют специального анализа. Некоторые аспекты подобной работы представлены в настоящей статье.

Археологические свидетельства «западного» направления контактов тюрков в Центральной Азии довольно фрагментарны. Широко известны результаты исследований единичных мемориальных комплексов с согдийскими надписями [13–15]. При этом более конкретные данные для анализа особенностей контактов согдийцев с тюрками предоставляют результаты раскопок погребальных комплексов второй половины I тыс. н.э. в разных частях Центральноазиатского региона.

Одним из свидетельств согдийского влияния на материальную культуру тюрков является находка меча с согдийской надписью в погребении кургана №9 памятника Джолин-I на Алтае [16, рис. 5]. Возможным показателем «западного» направления контактов кочевников также может выступать фрагмент зеркала, обнаруженный в ходе раскопок комплекса

reading, allows assuming presence at the found indications of the functions which are not connected with the trade sphere and considering them as the objects reflecting some relationship among the Turkic elite.

Key words: Turks, Inner Asia, coin indications, Sogd, early Middle ages, elite.

Каганда-II [17, рис. 7. -6] и имеющий аналогии в памятниках Средней Азии. По мнению некоторых исследователей, значительная часть предметов торевтики из памятников тюрков Центральной Азии могла быть произведена согдийцами или самими кочевниками, но под влиянием согдийских изобразительных и технологических традиций [18, с. 135–137]. При этом подтверждение данной точки зрения требует проведения отдельного исследования и привлечения всех имеющихся материалов. Так или иначе, в данном случае уместно привести замечание Б.И. Маршака о том, что в связи со слабой степенью изученности искусства кочевников в настоящее время «трудно отличить то, что сделано кочевником, от того, что сделано для кочевников, и от того, что сделано осёдлыми для осёдлых, но под влиянием кочевников» [19, с. 51].

Важные материалы для исследования «западного» направления контактов тюрков предоставляют отдельные «элитные» погребальные комплексы, раскопанные на территории Монголии и Алтая. Особенностью этих объектов является присутствие в составе сопроводительного инвентаря монетных индикаций (брактеатов), происхождение которых, судя по имеющимся сведениям, может быть связано с территорией Согда.

Первый из обозначенных комплексов раскопан на памятнике Увгунт в Центральной Монголии [20, 21]. В ходе исследований зафиксировано своеобразное наземное сооружение — с южной стороны к насыпи кургана примыкала каменная пристройка, в которой, вероятно, первоначально была установлена стела или изваяние. Судя по имеющейся информации, в частично разграбленной могиле находилось захоронение человека в сопровождении двух лошадей (рис. 1–2). Сохранившийся инвентарь погребения представлен, главным образом, конским снаряжением (удила с псалями, подпружные пряжки, золотые бляшки-накладки, крупная позолоченная ажурная бляха с подвесными колокольчиками). Наиболее яркой находкой является золотая индикация византийской монеты (рис. 3. -1). Проведенный анализ данного предмета позволил заключить, что брактеат изготовлен в подражание византийским монетам Ираклия или Леонтия, что ограничивает возможный период его

Рис. 1. Комплекс Увгунт. 1 – план наземной конструкции; 2 – план могилы [20, рис. 1, 3]

производства рамками второй половины VII — первой половины VIII в. [21, с. 10–12]. Характеристики изделия дают основания для предположения о том, что реплика выполнена согдийским мастером, который, судя по имеющейся на индикации рунической надписи, мог проживать в восточных согдийских колониях [21, с. 11].

Другая похожая находка зафиксирована ранее, в 1937 г., в ходе раскопок раннесредневекового комплекса Туэкта в Центральном Алтае [22, табл. LII] (рис. 3. -2)¹. Материалы исследований данного памятника до сих пор опубликованы крайне фрагментарно, что затрудняет интерпретацию зафиксированных характеристик погребального обряда. Судя по представленному описанию, рассматриваемое золотое изделие обнаружено в центральном ограбленном захоронении кургана №2 обозначенного некрополя [22, с. 305]. Важно отметить, что на данной индикации также зафиксирована руническая надпись, рассмотренная ниже. Вопрос о нумизматическом определении находки остается актуальным, что позволит более обосновано рассматривать происхождение изделия.

Серия монетных индикаций существенно пополнилась в результате раскопок «элитного» раннесредневекового комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) в Монголии [23, с. 183–196]. Исследование материалов данного памятника позволяет предварительно отнести его к одному из наименее изученных периодов в истории тюрков — времени зависимости кочев-

ников от Китая (630–679). Проведенный специальный анализ нумизматической коллекции комплекса Майхан Уул, насчитывающей более 40 предметов, дал основания для выделения золотых индикаций византийских, согдийских и сасанидских монет, произведенных, судя по зафиксированным характеристикам изделий, в Восточном Согде [24, с. 77].

Важно отметить, что все рассмотренные погребения с золотыми индикациями в разной степени демонстрируют особенности погребальной обрядности элиты общества тюрков Центральной Азии. Несмотря на ограбленность объектов, очевидно присутствие в составе инвентаря «престижных» изделий. Вероятно, золотые брактеаты «западных» монет также отражали высокий прижизненный статус погребенных людей. Дополнительную информацию для интерпретации подобных находок предоставляют результаты изучения рунических надписей на индикациях.

С.Г. Кляшторным уже была предпринята попытка прочтения надписи на золотом брактеате из Увгунта [21, с. 12–13; 25, с. 112–114]. Можно согласиться с его транскрипцией второй строки (два знака вдоль правого края) как b^2g , позволяющей предполагать наиболее вероятное прочтение $b(e)g$ ‘правитель, вождь, бек, ‘князь’, ‘господин’. Трудно, однако, принять интерпретацию знаков первой строки (пять знаков по левому краю). Во-первых, ввиду того, что пространственная ориентация начертания первого знака, согласно С.Г. Кляшторному, отлична по отношению

¹ На схожесть рассматриваемых монетных индикаций впервые обратил внимание Д. Наван [20, с. 55], предложив при этом ошибочную датировку комплекса Увгунт.

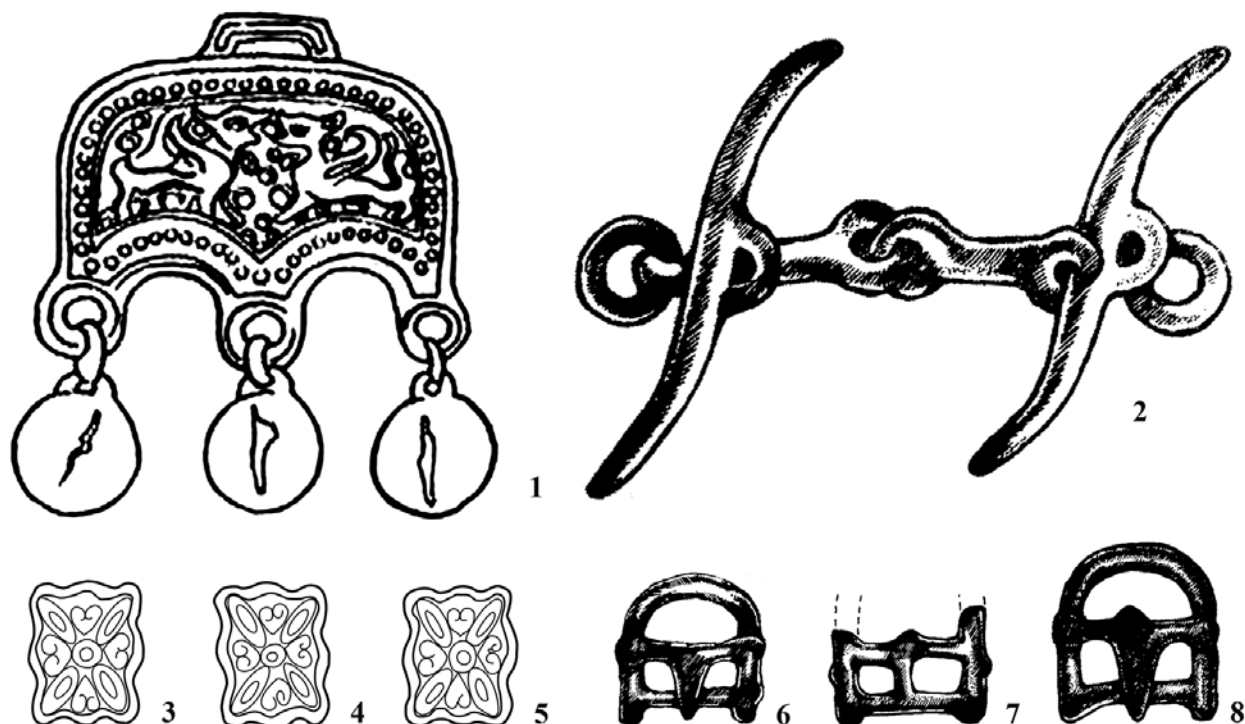

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь из тюркского погребения комплекса Увгунт [20, рис. 5–6, 10; 21, рис. 2. -1]

к последующим — в этом случае он расположен перпендикулярно. Во-вторых, при интерпретации второго (если относить «точку» к первому) знака как неогубленного широкого гласного не учитывается тот факт, что, как правило, в памятниках древнетюркской рунической письменности гласные данного качества в первом корневого слоге не выписывались. В-третьих, не позволяет однозначно принимать восприятие всей надписи как единой конструкции само расположение строк, разбивающее устойчивое словосочетание по двум фрагментам.

Если также следовать прочтению знаков по направлению сверху вниз исходя из начертания портрета на пластинке, может быть предложено следующее толкование. Форма первого знака позволяет почти однозначно видеть здесь губной (среднеширокий или узкий) гласный заднего ряда /o/ ~ /u/. Второй знак в виде точки, если не считать возможность наличия у него исключительно пунктуационного значения, демонстрирует, скорее, ближайшее сходство с формой /m/, характерной для рунических памятников Кыргызстана [25, с. 124–125, табл. 18, стк. 34, 37], но вместе с тем здесь более вероятной видится известная в памятниках Монголии, бассейна Енисея и Восточного Туркестана, хотя и редкая, форма знака с фонемным значением /nt/ (в орхонике и турфанских текстах) или /ŋ/ (в енисейке) [26, с. 145, табл. 18, стк. 1; 25, с. 161, рис. 3; 27, с. 23, 27, 249, 252, 256; 28, с. 171]. В интерпретации третьего знака как широкого неогубленного гласного мы не имеем причин возразить С.Г. Кляшторному. Начертание четвертого знака по-

зволяет предполагать здесь также форму лигатуры /nč/ [26, с. 146, табл. 34, стк. 7], либо носового /ŋ/, характерную для восточно-туркестанских древнеуйгурских текстов [25, с. 161, рис. 3]. В интерпретации пятого знака можно было бы согласиться с С.Г. Кляшторным, видя здесь палатализованный /r/ (*r²*), но неопределенность очертаний дает возможность предполагать здесь характерные для текстов из Восточного Туркестана аллографы графем с фонемным значением /i/ переднего ряда (*i²*) [26, с. 138–139, табл. 28, стк. 13–14], либо веляризованного щелевого глухого /š/ (*š¹*) [26, с. 134, табл. 25, стк. 20; 25, с. 161, рис. 3], что выглядит наиболее предпочтительным, если исходить из всех вероятных вариантов транскрипции.

Транслитерация *w¹NTAḏš¹* дает предположительное чтение с разбивкой первой строки на две лексемы: (1) *unta* (или: *onta*) (*a*)*ŋ(i)š* (2) *b(e)g*. Первая лексема при прочтении с полушироким инициальным гласным *onta* могла бы быть сопоставлена с неизвестной для памятников древнетюркской рунической письменности формой, образованной от числительного *on* ‘десять’ при помощи аффикса локатива +*dA* (~ +*tA*), что, однако, вызвало бы значительные трудности при интерпретации всей фразы с точки зрения синтаксиса. В другом случае она может быть сопоставлена с формой наречия *onda* ~ *anda* ~ *unda* ‘там’, ‘тогда’ (< указат. местоим. **an* / **on* / **un*), в древнетюркских памятниках зафиксированной в варианте *anta* [29, с. 456; 30, с. 166] (о первичности формы **un* см. также: [31, с. 212–215]). Вместе с тем в од-

ном из манихейских гимнов и в сутре «Алтун йарук» («Золотой блеск», или *Suvaṇṇaprabhāsottama*, ок. X в.), записанных древнеуйгурским письмом, встречается наречие *una* (~ *ona*?) ‘вот, теперь’ [32, с. 612; 33, с. 141, 265; 29, с. 148; 34, р. 354–355], по мнению А. фон Габэн [35, с. 588], вокатив от указательного местоимения *ol* (> вокализ. *ona*). В древнеуйгурской версии биографии Сюань Цзана оно употреблено также в функции призывающего определения, следуя дважды в конструкции с однородными членами: *una ... una ...*, что по контексту можно перевести конструкцией ‘как ..., так и ...’ [36, р. 66, 248]. Вероятно, это вариант формы дательного падежа с падением согласного (*una* < **uṇa* < **un-ya*) [37, р. 57, 58–61], характерный для огузской группы, sporadически встречающийся в памятниках орхонской и енисейской письменности [28, с. 187]. В связи с неоднозначной интерпретацией фонемного значения знака интересно также наблюдение И.В. Кормушина о грамматической равнозначности дательного (+*dA* ~ +*tA*) и направительного (+*kA* ~ +*gA*) падежей при обозначении объекта действия [27, с. 252; 28, с. 187, 191]. Мы предполагаем в нашем случае фонетическую форму **onta* ~ **unta*, где формант +*tA* (т.е. с глухим согласным) является показателем более древней фонологии, характерным для всех орхонских и малого числа енисейских текстов [28, с. 188–189].

Вторая лексема также не находит фиксации в известном лексическом фонде. Предполагаемая разбивка на морфемы (*aŋ-iš*) позволяет сопоставить читаемое слово с однокоренными ср.-уйг. *aŋu* ‘образ’, ‘вид, изображение’ [32, с. 53, 662] (где, однако, ошибочно приводится форма *aŋaŋu*, ср.: [38, р. 249]), карах.-уйг. *aŋu* ‘картина’ [39, стб. 186], восходящие, судя по всему, к глагольной основе *aŋ-* ‘помнить, упоминать’ [40, р. 168а; 29, с. 153–154]. В нашем случае представлена форма с аффиксом *-Xš*, образующим имена существительные с абстрактным значением. Ср. омофоны: тобол. тат. *aŋyŋi* ‘понятие’ [39, стб. 185], чаг. *aŋiŋ* ‘понятие’ [39, стб. 186], восходящие к родственной именной основе *aŋ* ‘понимание’.

В целом можно предложить следующий перевод надписи: ‘(1) вот (*или* такое) изображение: (2) правитель (*или* господин)’. Если брать за основу палеографический аспект, то нам пришлось бы считать, что мы имеем дело с надписью, выполненной в период примерно второй половины IX–X вв., в то время как фонология свидетельствует в пользу, скорее, VIII — первой половины IX в.

Надпись на золотой индикации из кургана №2 у с. Туэкта, известная лишь по одной фотографии, опубликованной С.В. Киселевым [22, с. 307, табл. ЛП] (рис. 2. -2), до сих пор оставалась без внимания специалистов, хотя еще первооткрыватель отметил здесь «надпись буквами, напоминающими орхонский курсив» [22, с. 305]. Вариант прочтения может быть предложен. На фотографии выделяются пять знаков, чи-

таемых следуя по направлению справа налево вдоль портрета от его верхней части. Первый и третий знаки в форме «столбика» однозначно интерпретируются как /s/ ~ /š/, употреблявшийся в рунической письменности с перебоем [26, с. 133, табл. 25, стк. 1; с. 135, табл. 26, стк. 1], чаще в палатальном, но также и в велярном ряду [30, с. 64–65]. Второй знак передает лигатуру /nč/ [26, с. 146, табл. 34, стк. 1, 5, 6]. Четвертый знак может быть интерпретирован как задний огубленный гласный [26, с. 93, табл. 3, стк. 7]. Истолкование пятого знака затрудняется ввиду недостаточной четкости форм на снимке, однако исходя из прочтения остальных знаков, мы предлагаем здесь фонемное значение /z/ с искажением верхнего левого элемента [26, с. 142, табл. 30].

В итоге транслитерация $s^2Nčs^2w^1Z$ позволяет восстанавливать прочтение *s(a)nčsuz*, буквально ‘бессчетный, безрасчетный’ < **sā-* ‘считать, подсчитывать’ [32, с. 478; 40, р. 781b–782a] + *-(X)nčsXz* — аффикс, образующий имена прилагательные как от каузативных, так и от пассивных основ [41, р. 349–356; 34, р. 152]. Подобного слова ни в одном из известных памятников и, соответственно, словарей, насколько нам известно, не зафиксировано, потому достаточно сложно определить его семантику — имеется ли в виду ‘нечто, не поддающееся счету’ или ‘нечто, не предназначенное для расчета’. Первое, видимо, более вероятно, учитывая характерный для аффикса *-(X)nčsXz* смысловый оттенок «un-VERB-able» [41, р. 299–300]. Один из образующих данную составную морфему элементов, аффикс отрицательности +*sXz*, приводится здесь с графическим обозначением гласного (+*suz*). Для памятников древнетюркской рунической письменности это в целом не характерно, но подобные моменты встречаются в отдельных енисейских текстах, авторы которых, по мнению И.В. Кормушина, стремились подчеркнуть свою принадлежность к определенной диалектной группе [28, с. 178–179]. Если это так, то, с одной стороны, автор рассматриваемой надписи был носителем того диалекта, где вокализм характеризовался последовательной губной гармонией, приближенной к современному алтайскому языку. С другой стороны, выписывание этого знака может иметь также и функциональное назначение, подчеркивая принадлежность гласных звуков, содержащихся в этом слове, к велярному ряду ввиду нейтрального с точки зрения рядности характера знаков, обозначающих согласные звуки, и отсутствия, согласно нормам древнетюркского рунического письма, графического обозначения широкого негубного гласного в первом слоге.

Еще один знак, проглядывающийся слева от изображения, под трещиной, где, вероятно, также находился знак, невозможно интерпретировать. В зависимости от пространственной ориентации здесь можно предполагать l^2 [26, с. 121, табл. 17, стк. 9], $ŋ$ [26, с. 126, табл. 20, стк. 1, 3] или, более вероятно

Рис. 3. Монетный индикации (брактеаты) из погребальных памятников раннесредневековых тюрок Монголии и Алтая. 1 – комплекс Увгунт; 2 – комплекс Туэкта [21, рис. 1; 22, табл. ЛП.-3]

(ср. расположение знаков на брактеате из Увгунта), *č* [26, с. 140, табл. 29, стк. 4], или *i~i* [26, с. 97, табл. 2, стк. 4, 5, 9, 10]. Вслед за С.Е. Маловым [42, с. 16, 102], можем предположить в этом случае (*ač* (< монг.?) 'милость, благоденствие', ср. ср.-монг. *xači* (кит. шрифт, шрифт Пагс-Па) ~ *ači* (уйг. шрифт), 'вознаграждение, благодарность, милость' [43, с. 20]; ср. карах.-уйг. *ačiy* 'награда, вознаграждение; дары', 'благодарность, доброжелательность', 'польза; благоденствие, удовольствие, счастье' [32, с. 5], в более узком значении (только у Махмуда ал-Қашгарі) — 'подарок от правителя' (*ca'izat 'ul sultān*) [40, р. 22].

Недавно было высказано предположение о возможном наличии рунических надписей на монетах из комплекса Майхан Уул (Шороон Бумбагар) [24, с. 75]. Однако ближайшее рассмотрение фотографий данных объектов [23, с. 183–196] не дает оснований согласиться с этим.

Анализ зафиксированных особенностей археологических комплексов, а также корреляция полученных сведений с результатами прочтения надписей на монетных индикациях позволяет сделать ряд предварительных заключений. Нет сомнений, что золотые брактеаты являлись важными показателями социального статуса в обществе тюрок Центральной Азии. Все немногочисленные предметы обнаружены в «элитных» захоронениях разного уровня, отличающихся целым рядом специфических характеристик обряда. Важно отметить, что эти комплексы относятся к различным хронологическим периодам. Уточнение датировки обозначенных объектов возможно в том числе при дальнейшем анализе нумизматических находок. Особую актуальность имеет изучение индикации из памятника Туэкта, до сих пор не привлекавшей

внимание специалистов. Проведение такой работы позволит также определить происхождение брактеата. Изделия из комплексов Увгунт и Майхан Уул демонстрируют контакты тюрок с согдийцами, отражая особенности взаимоотношений кочевников с представителями оседло-земледельческого мира в разные периоды истории. Содержание рунических надписей на брактеатах в туэктинском и увгунтском погребениях, что характерно, присутствующих здесь в единичных экземплярах, согласно приведенному чтению позволяет говорить о выполнении обнаруженными индикациями функций, не связанных с торговой сферой, и рассматривать их как предметы, отражающие какие-то взаимоотношения в среде тюркской элиты. Немногочисленность имеющихся материалов и гипотетичность прочтений не дают оснований для конкретных заключений. Для уточнения возможных интерпретаций обратимся к дополнительным сведениям об особенностях распространения византийских монет и их имитаций на территории Центральной Азии в раннем Средневековье, а также об участии в этих процессах согдийцев.

Как отмечает китайский специалист Линь Ин [44], в погребения некоторых представителей китайской аристократии, приближенных и родственников императорской семьи, относящихся к периоду последней четверти VI — начала второго десятилетия VII в., т.е. от эпохи Северного Ци до начала эпохи Тан, помещались золотые византийские солиды. Исследователь указывает на документ из экспедиций Отани №1040 из библиотеки Университета Рюкоку, относящийся к концу VI в. или началу VII в., где упоминается о том, что подобные монеты (кит. *цзинь-цян* 金钱) в единичных экземплярах прилагались в качестве подарков к письмам, посланным представителями западно-

тюркской элиты от правящих слоев ко двору Гаочана. Через посредство гаочанцев эти монеты попадали в Китай. При этом жителям Поднебесной империи тогда не было известно о связи рассматриваемых изделий с Византийской империей, ввиду чего они ассоциировались здесь с тюрками. В источниках также содержатся сведения о пожаловании китайскими императорами своим приближенным, отличившимся в военных кампаниях против тюрков, в том числе тем, кому принадлежат упомянутые погребения, неких золотых монет. Поэтому, как считает Линь Ин [44], рассматриваемые изделия в захоронениях аристократии Поднебесной империи имели значение своеобразных знаков отличия за их заслуги при жизни.

Вместе с тем на территории Китая известна и другая группа погребений с византийскими монетами. Речь идет о могилах, расположенных преимущественно в провинции Нинся и относящихся к периоду середины VI в. — начала второго десятилетия VIII в., принадлежащих потомкам согдийцев. В них обнаружены многочисленные имитации и брактеаты византийских солидов [45]. Данный факт косвенно свидетельствует в пользу того, что производство таких изделий связано как раз с самими согдийцами. Показательно, что как в самом Согде в VI–VIII вв., так и у представителей согдийских колоний в Китае в VII–VIII вв. золотые византийские солиды и их имитации использовались не в торговой, а в основном в религиозной сфере жизни общества [45]. При этом именно византийские изделия стали, судя по всему, прототипом для одних из первых образцов монет Западно-тюркского каганата, чеканившихся в оседло-земледельческих центрах Средней Азии [46, 47].

Согдийское происхождение рассматриваемых в статье монетных индикаций, обнаруженных на тер-

ритории Монголии и Алтая, т.е. связанных с восточными тюрками, представляется наиболее вероятным. При этом у восточных тюрков неизвестно ни денежного обращения, ни, тем более, наличия собственного чекана. Редкие китайские монеты, зафиксированные в погребениях кочевников, а также обнаруженные в виде случайных находок на территории, входившей в состав Восточно-тюркского каганата, судя по имеющимся материалам, использовались в качестве амулетов или украшений костюма [8, с. 50–55]. Свидетельством изменения первоначальных функций изделий являются благожелательные надписи, нанесенные на отдельных экземплярах [25, с. 117].

Совокупность приведенных сведений позволяет выдвинуть следующее предположение: не могли ли монетные индикации из комплексов Увгунт и Туэкта быть чем-то вроде того, что представляла собой *пайца* (кит. *пай-цзы* 牌子) в Танской империи, затем у киданей, чжурчжэней, тангутов и монголов? В этих политических образованиях она выполняла функцию своеобразного удостоверения, данного обладателю той или иной должности или наделенного функциями исполнять какое-либо поручение [48, с. 186–188; 49, с. 55–56].

Следует отметить, что ранее уже косвенно высказывалось сделанное на основе попытки прочтения тюркской рунической надписи предположение о существовании у тюрков документов подобного рода [50, с. 115–118]. Гипотетичность тезиса, выдвигаемого в настоящей статье, также очевидна, если учитывать фрагментарность рассматриваемых материалов, однако имеющиеся сведения предоставляют достаточные основания для дальнейшего обсуждения подобной интерпретации.

Библиографический список

1. Ecsedy H. Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1968. — Т. XXXI. — Fasc. 2.
2. Moses L.W. T'ang Tribute Relations with the Inner Asian Barbarian // *Essays on T'ang Society: the Interplay of Social, Political and Economic Forces*. — Leiden, 1976.
3. Jagchid S., Symons V.J. Peace, War, and Trade along the Great Wall. Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia [Translation of: Pei-ya yu-mu min-tsu yü Chung-yüan nung-yeh min-tsu chien-ti ho-p'ing, chan-cheng, yü mao-i chih kuan-hsi]. — Bloomington; Indianapolis, 1989.
4. Pan Yi-hong. Son of Heaven and Heavenly Qaghan: Sui-Tang China and Its Neighbors. — Bellingham, 1997.
5. Skaff J.K. Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors: Culture, Power, and Connections, 580–800. — Oxford, 2012.
6. Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. — М., 1994.
7. Кореняко В.А. Об изображении на Бугутской стеле // *Мировоззрение древнего населения Евразии*. — М., 2001.
8. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрков Центральной Азии // *Теория и практика археологических исследований*. — 2013. — Вып. 1(7).
9. Maršak B. Ī Türkler ve Soğdlular // *Türkler*. — Ankara, 2002. — Cilt 2.
10. Vaissière É. de la. Sogdian Traders: a History. — Leiden; Boston, 2005.

11. Отахўжаев А. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабати. — Ташкент, 2010.
12. Атаходжаев А.М. Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Ташкент, 2011.
13. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согда́йская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. — 1971. — Вып. X.
14. Kljaštornyj S.G., Livšic V.A. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — Т. XXVI. — 1972.
15. Ôsawa T. Aspects of the Relationship between the Ancient Turks and Sogdians — Based on a Stone Statue with Sogdian Inscription in Xinjiang // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday. — Venezia, 2006.
16. Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1992.
17. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М. ; Л., 1965.
18. Худяков Ю.С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности : документы, исследования, материалы. — Бишкек, 2003.
19. Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной тюрвтике. — М., 1971.
20. Наван Д., Сумьябаатар Б. Овог монгол хэл бичийн чухаг дурсгал. — Улаанбаатар, 1987.
21. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., Шкода В.Г. Золотой брактат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской тюрвтике // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — Вып. 16. — 1990.
22. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М. ; Л., 1949.
23. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа (Раскопки древнего захоронения в мавзолее). — Улаанбаатар, 2013.
24. Горбунов В.В., Серов В.В. Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2015. — №4/1 (88). DOI:10.14258/izvasu(2015)4.1-10
25. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. — СПб., 2006.
26. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). — М., 1983.
27. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфы. Тексты и исследования. — М., 1997.
28. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфы: грамматика, текстология. — М., 2008.
29. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). — М., 1974.
30. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. — Л., 1980.
31. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. — М., 1988.
32. Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
33. Caferoğlu A. Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü. — İstanbul, 1968.
34. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. — Leiden; Boston, 2004.
35. Gabain A. (von) Die pronominal in Alttürkischen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — 1950. — Bd. 100.
36. Aydemir H. Die alttürkische Xuanzang-Biographie IX Nach der Handschrift von Paris, Peking und St. Petersburg sowie nach dem Transkript von Annemarie v. Gabain ediert, übersetzt und kommentiert: Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Georg-August-Universität Göttingen. — Göttingen, 2011.
37. Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques. — Kraków, 1936.
38. Pelliot P. Sur la légende d'Uyuz-khan en écriture ouïgoure // T'oung Pao (Second Series). — 1930. — Vol. 27. — №4/5.
39. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. — Т. 1. Гласные. — СПб., 1893. — Ч. 1.
40. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. — Oxford, 1972.
41. Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. — Wiesbaden, 1991.
42. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. — М. ; Л., 1952.
43. Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. — Helsinki, 2006.
44. Lin Ying. Western Turks and Byzantine Gold Coins Found in China // Transoxiana. — 2003. — №6.
45. Lin Ying. Sogdians and the Imitations of Byzantine Gold Coins Unearthed from the Heartland of China // Ērān ud Anērān: Studies Presented to Boris Il'ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday. — Venezia, 2006.
46. Бабаяров Г, Кубатин А. К вопросу о византийском влиянии на иконографию монет Западно-Тюркского каганата // O'zbekiston tarixi. — 2008. — №4.
47. Babayarov G., Kubatin A. Byzantine Impact on the Iconography of Western Turkic Coinage // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2013. — Vol. 66. — №1.
48. Кычанов Е. И. История тангутского государства. — СПб., 2008.
49. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. — Казань, 2009.
50. Надеяев В.М. Древнетюркская верительная грамота // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1974. — Вып. 3. — №11.